

Михаил Баранов

СЛАВЯНЕ

Часть 1

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Михаил Иванович Баранов

Славяне. Часть 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40299492

SelfPub; 2019

Аннотация

Борьба конкурирующих преступных кланов вызывает сеть трагических событий, в центре которых оказывается преуспевающий предприниматель Вячеслав Вознесенский. Увлекательный сюжет, построенный на поединке главного героя с невиданным беспределом мафиозных структур, приводит читателя к традиционному "хеппи-энду". Но на пути к счастливой развязке ожидают ощущения, пожалуй, не менее острые, чем зубы акул преступного мира. Содержит нецензурную брань.

Михаил Баранов

СЛАВЯНЕ

Роман

Часть первая

Разборки

Всю эту ночь моросил привычный для начала ноября мелкий дождь вперемежку со снегом, но к утру подморозило, и на землю лег густой туман.

Высокий мужчина в спортивном костюме вышел на крыльцо двухэтажного коттеджа, непроизвольно поёжился от утренней прохлады. Тут же из-под навеса перед въездом в гараж навстречу ему метнулась рыжая поджарая лайка и, радостно поскуливая, завиляла хвостом.

Мужчина потрепал её по шее, ступил на покрывшийся льдом асфальт, на мгновение застыл, потом, резко выдохнув, наклонился и без малейшего усилия достал грудью колен. Не спеша выпрямился и так же непринужденно и легко сел в шпагат.

Лайка отошла в сторону, села, высунув язык, и снисходительно принялась созерцать привычную для неё картину.

Тем временем мужчина покончил с растяжками, прошел под навес и принялся наносить удары по обмотанным паклей столбам, то кулаками, то ногами рассекая в прыжке воздух. Вначале одиночные, потом – серии. Темп нарастал, прыжки становились всё выше, чаще вырывалось из груди гортанное

"кхья". И – закружился в каком-то диком танце, где тем не менее каждое движение было отточено и доведено до автоматизма. Знаток сказал бы, что он работает в давно забытом стиле русского ручного боя.

Наконец, выполнив в том же темпе несколько защитных комбинаций, застыл на месте, провел руками по коротким, уже изрядно задетым серебром, русым волосам, скуластому лицу.

Быстро восстановив дыхание, сбросил мокрый от пота тренировочный костюм, облачился в висевший на воротах гаража тёмно-серый комбинезон и направился к калитке, у которой, уже повизгивая от нетерпения, дожидалась его лайка.

Начинало светать, да и туман, похоже, рассеивался. Но окна ближайших домов оставались еще темными. Собственно, и домов-то здесь, на улице Восточной, отрезанной от Озёрска широкой, но мелководной рекой, было всего шесть. Добротные, с гаражами, обнесенные высокими кирпичными заборами, они говорили о том, что владельцы их – люди с достатком. Мужчина вышел за калитку, сделал глубокий вдох и побежал в сторону озера.

Вот уже тридцать с лишним лет за вычетом полуторагодового перерыва, связанного с выполнением "интернационального долга" в Афганистане, он так встречал каждый новый день.

Все началось с раннего детства. Рос он до неприличия

полным. Когда шёл в первый класс, мать купила брюки сорок восьмого размера, топором на колодке подогнала под его рост, подрубила, и он кое-как втиснул в обновку свои телеса. В школе толстякам достаётся от сверстников. И он не был исключением: насмешки, издевки, обидные клички следовали за ним по пятам. Кто знает, как сложилась бы его дальнейшая жизнь, если бы не одно памятное, переломное для него событие.

Отец привёз из города обещанные ещё ко дню рождения новые санки. Радостный, он выбежал с ними на улицу и поспешил в конец деревни. На одном дыхании взобрался на горку и только приготовился съехать, как подскочил Тарзан – бойкий, года на три старше его сын директора школы. Вцепился в санки: "Чур, я первый!" Но он намертво сжал в руке бечёвку и не отпускал. Тарзан, не терпевший возражений наотмашь ударил его по лицу.

Это, как он понял впоследствии, стало последней каплей, которая переполнила чашу его терпения. Вне себя от ярости, по зверино рыча, он схватил обидчика за плюшевую куртку, оторвал от земли и ... бросил в сугроб.

Мальчишки, наблюдавшие эту сцену, вначале остолбенели от увиденного. Возможно, в них боролось врождённое чувство справедливости и приобретенное преклонение перед своим вожаком, к тому же – директорским сыном. Верх взяло последнее: с криком, словно по команде, все бросились к нему. Добрый десяток – на одного. Но в тот момент

ему было плевать. Впервые в жизни, хоть и бессознательно, он отважился постоять за себя. Первый из подбежавших полетел в сугроб вслед за Тарзаном. Второй взвыл от тычка кулаком между глаз. Понимая, что силы по-прежнему не равны, он рванул санки за бечёвку и, кружа ими над головой, смело шагнул навстречу подбегающим...

Чем бы кончилось дело, предположить не трудно. К счастью, в это время, шёл на работу колхозный конюх Матвей Лукьянович – второй муж его бабушки по отцовской линии – и разогнал рассвирепевшую детвору. Его деда, Ивана Федоровича Вознесенского, расстреляли в тридцать втором году за связь с группой Рюмина. Бабушку сослали. В ссылке она познакомилась с Матвеем Житниковым и вышла за него замуж. Второй дед, Григорий Николаевич Ковалев, сложил голову на Висле.

Не осознавая, от чего плачет, поминутно шмыгая носом, он плёлся за своим заступником. И вот тогда Матвей Лукьянович предложил:

"Если больше не хочешь быть битым, завтра с утра пораньше приходи на конюшню – я кое-чему тебя научу".

Много воды утекло с тех пор, но первый день обучения он помнил до мельчайших подробностей.

Рано утром прибежал на конюшню. Матвей Лукьянович вывел молодую, ещё не знавшую хомута на выгоне лошадь, привел в поле, запряг её в сани, которые притащил заранее, кнутовищем указал в сторону леса: "Там ты должен быть

раньше нас".

Он первым сорвался с места. Ноги сразу же по колено провалились в снег. Уже после первой сотни метров такого бега он понял, что взял на себя слишком много: сердце, казалось, вот-вот выскочит из груди, не выдержат нагрузки лёгкие. А позади всё отчётливей слышал храп лошади. Вот она уже поравнялась с ним. Сознывая, что забега ему не выиграть, он остановился. Но тут обжигающий удар кнута по спине отбросил его вперёд. Крича от боли и отчаяния, он побежал. Пот заливал глаза, деревенели ноги...

Опомнился, когда упёрся в кусты. Обернулся. В нескольких шагах от него стояла взмокшая и вздрагивающая от напряжения лошадь. Подошёл Матвей Лукьянович, набросил ему на плечи тулуп и жестом указал на сани: садись.

После школы, ближе к вечеру, он опять пришёл на конюшню. Матвей Лукьянович воспринял это безо всяких комментариев. Выложив из кармана ключи, скинув замасленную телогрейку, продемонстрировал несколько мудрёных физических упражнений и ушёл править сбрую.

И так восемь лет, из дня в день, без выходных, независимо от погоды: два часа утром и столько же вечером. Возможно, для молодого организма это было и в тягость, но тому имелась своя причина. Выживший казак-пластун, выросший до главного инспектора Войска Донского по ручному бою, спешил передать мальцу навыки специального обучения и приобретённый на трёх войнах опыт, ведь жить ему оставалось

недолго: туберкулёз съедал его лёгкие.

Возможно, это позволило Матвею Лукьяновичу продержаться ещё целых шесть лет после того, как врачи поставили тог страшный диагноз...

Впереди показалось озеро. Мужчина свернул с асфальта на грунтовую дорогу и по протоптанной им же на обочине тропинке побежал к лесу.

Сразу же за озером начинался лес. Мужчина на бегу нанёс несколько боковых ударов по стволам деревьев, до половины растянул молнию замка на комбинезоне и прибавил ходу.

К своим сорока двум годам он изрядно поколесил по свету, многое видел. Однако красивее мест, чем этот глухой уголок, ему не встречалось. Озёра и озёрца с чистой криничной водой, дремотно текущие реки, недоступные для тяжёлой техники болотистые леса. Редкий островок девственной природы. Без малого пять лет он провёл здесь и не уставал благодарить судьбу за преподнесённый подарок.

Бегущая впереди лайка внезапно остановилась, повела маленькими ушками, но не бросилась сломя голову в чащу с залиvistым лаем, как поступала обычно, учуяв дичь, а приглушенно и зло зарычала.

Такое поведение собаки, свежий след легковой машины на разбитой дороге, ведущей к гравийному карьере, не могли не насторожить человека, вот уже двадцать последних лет ходившего бок о бок с опасностью.

Чуть сбавив темп, внутренне собравшись, он напряг слух, пристальным взглядом прошёлся по обступающим дорогу кустам и деревьям. Как только с опушки леса донесся едва уловимый треск ветки, без раздумий упал на землю. И вовремя – за деревьями, совсем близко, раздался характерный хлопок (крупнокалиберный пистолет с глушителем – мгновенно определил он). От вековой сосны, напротив которой он секундой раньше находился, отскочил небольшой кусок коры.

Тут уж никаких дополнительных объяснений не требовалось, ситуация была предельно ясной и однозначной: кто-то в очередной раз пытается отправить его к праотцам. Это открытие не породило в нём растерянности, даже секундного замешательства. Скорее наоборот, мозг заработал с предельной ясностью, взвешивая и оценивая в общем-то аховое для него положение: шансы в схватке с вооружённым противником, как бы ты подготовлен и тренирован ни был, всегда близки к нулю.

Не поднимая головы, прижимаясь к земле, он скатился на дно сухой выбоины, оставленной буксовавшими машинами, – она теперь была для него своего рода бруствером, скрывающим от взгляда противника, – осторожно взяв длинную палку из тех, что бросали под колёса, колыхнул ею ближайший ореховый куст. Тут же опять послышался хлопок – и на орешине пулей срезало тонкую ветку. По тому, как быстро противник среагировал на звук, стало ясно: тут действует

далеко не дилетант.

Не теряя ни секунды, мужчина подполз к лайке, с любопытством наблюдавшей, как её хозяин елозит по земле, словно затеял какую-то незнакомую ей до сих пор игру. В прочем, почему незнакомую?

взмахнул у неё перед мордой палкой, отбросил её в кусты, полушёпотом выдавил: "Апорт!". Сам же, как только собака бросилась выполнять его команду, ящерицей шмыгнул к вывороченной с корнями сосне.

На этот отвлекающий маневр противник ответил двумя выстрелами.

Пожалуй, можно было воспользоваться тем, что ещё не вполне рассвело, и попытаться искать укрытия в карьере – до него оставалось считанных два десятка шагов. Но у мужчины даже и мысли такой не возникло. Пока он переигрывал соперника: тот неоправданно далеко от дороги избрал место для засады, не подумал, как себя вести, если вмешается собака. Но главное даже не это. Ему с самого начала крупно повезло – удалось, благодаря той же собаке, избежать прицельного выстрела. Такая удача выпадает редко, и непростительно было бы не попытаться счастья до конца. Тем более, он знал: коль уж кто-то решил его убрать, то попытки будут повторяться и в другой раз киллер, чего доброго, не промахнётся.

Маскируясь корнями сосны, он наконец-то смог рассмотреть, что к чему и реально оценить ситуацию.

Метрах в пятнадцати от его временного убежища у комля толстой берёзы стоял некий человек и напряженно всматривался в ту сторону, где возилась лайка, пытаясь вытащить из куста брошенную палку.

Упустить столь удобный момент для нападения было бы глупо. Прячась за стволами деревьев, он начал, неслышно, по-кошачьи, приближаться к противнику. Тот, услышав шорох тронутого ледком мха, обернулся, вскинул пистолет. А чтоб тебя! Ничего не оставалось, как зигзагами, качая корпус из стороны в сторону, устремиться на сближение с противником.

Две пули просвистели у левого плеча. Теперь его и киллера разделяли какие-то пять метров. Больше уворачиваться от выстрела не имело смысла. Он выпрямился и застыл, будто подставляясь специально. Заметив едва уловимое движение пальца на спусковом крючке, мгновенно сел в шпагат. И пуля прошла в считанных сантиметрах над головой. Последняя! Отработанный долгими тренировками рывок – и вот он уже на ногах, в боевой стойке.

Киллер отбросил ставший не нужным пистолет, выставил вперёд левую руку с полусогнутыми, широко расставленными пальцами, перенёс вес тела на правую ногу, левую чуть согнул в колене, самодовольно ухмыльнулся. То, что он расстрелял всю обойму впустую, казалось, нисколько его не смутило, скорее – раззадорило.

Теперь можно было как следует рассмотреть нападавше-

го. Лет тридцати. Невысокий, широкоплечий, в фирменном спортивном костюме, в кожаных кроссовках. Что ещё? Правильные, даже красивые черты лица, модная причёска. Но глаза, маленькие и пустые, с желтоватым отливом радужки.

Его манера бега со стороны показалась бы странной. В глаза бросалась парящая лёгкость, словно под ним была не земля, а тонкий лёд, грозивший проломиться в любую секунду. В то же время во всей фигуре ощущалась предельная собранность. Он был весь внимание, улавливал и фиксировал малейшие изменения вокруг: след легковой машины на дороге, грязь не успела взяться морозом, следовательно, Киллер в свою очередь рассматривал его. Однако это занятие ему быстро надоело. Подавшись вперёд, обозначив ложную атаку в солнечное сплетение, с криком: "Ну, козёл!" – попытался нанести удар в голову.

Без всяких усилий "козёл" блокировал удар, кулак его левой руки безошибочно нашёл болевую точку в паху у противника. Тот взвыл, упал на колени. Но, надо отдать ему должное, тут же поднялся, с воплем бросился вперёд. Получив опережающий сокрушительный удар в грудь, отлетел на несколько метров и, ломая кусты, рухнул навзничь.

Они поменялись ролями. Тот, кто ещё минуту назад заведомо был жертвой, подошёл к распростёртому киллеру, холодно поинтересовался:

– Тебе не надоело валяться? Может, спокойно поговорим?
Держась за дерево, киллер встал. Глаза его по-звериному

горели.

Закусил до крови губу, зло процедил:

– Всё, тебе конец...

– И всё же подумал бы над моим предложением.

Услышав в ответ яростную брань, в один прыжок сократил расстояние, правой рукой нанес резкий удар между сердцем и ключицей, левой – по печени.

Хватая, как рыба, воздух, из последних сил держась на ногах, киллер попятился назад и оказался на краю гравийного карьера.

– Стоять!

Выскочившая откуда-то из-за кустов лайка по-своему истолковала окрик хозяина и молнией мотнулась к незнакомцу.

Киллер интуитивно закрыл лицо руками, ступил шаг назад и с криком полетел вниз.

Они верили каждый в свою удачу. Победил сильнейший. Когда он подбежал к обрыву, его взору предстала жуткая картина. Надо же чтобы там, внизу, оказался экскаватор. Распластав руки, как на распятии, его недавний противник висел на зубьях ковша, и на лице его застыла недоуменная гримаса.

Осмотрелся по сторонам, прислушался. В лесу стояла гробовая тишина. И – ничего подозрительного. Перевёл взгляд на поле недавней схватки и с сожалением отметил, что никак не удастся скрыть от опытного глаза, реальную картину про-

изошедшего здесь: вытоптаный и сорванный мох, сломанные ветки на кустах, в стволах деревьев где-то застряли пули. Всё же решил: пусть останется как можно меньше следов. Поправил сорванный мох, натаскал сухих веток, подобрал пистолет с глушителем, гильзы, листвой присыпал утоптанное место возле березы, где его поджидал теперь уже безопасный противник. Потом вышел на дорогу и направился к карьеру.

По пути заметил в лощине зелёный "Мерседес". Натянув рукав комбинезона, открыл дверцу. В салоне – идеальная чистота. Заглянул в бардачок. Поверх изрядной пачки денег (задаток?) там лежали водительские права на имя Коршунова Петра Васильевича. Осмотрев машину, спустился в карьер, подошел к погибшему, прошелся руками по многочисленным карманам его спортивного костюма. Ничего, что могло бы его заинтересовать, там не было. Тяжело вздохнул и все так же бегом пустился в обратный путь, мысленно выставляя для себя линию поведения.

* * *

Заместитель председателя Совета безопасности Виктор Федорович Березин поднял трубку внутреннего телефона, попросил помощника в ближайшие два часа ни с кем его не связывать, провёл пятернёй по пышной шевелюре, неторопливо, по-хозяйски, подошёл к длинному столу для заседаний, за которым в ожидании томилось пять человек, занял место во главе, еще раз окинул присутствующих взглядом.

Слева от него ёрзал в кресле министр внутренних дел, в недавнем прошлом – войсковой генерал, подобранный лично президентом. Сам же он, Березин, хотел в этом кресле видеть (и приложил к этому максимум усилий) совсем другого человека – своего бывшего сослуживца по прокуратуре. Однако на этот раз глава государства был непреклонен в своём выборе. Позже Березин понял причину его неуступчивости: новому министру предстояло не столько решать вопросы борьбы с преступностью, сколько быть готовым развернуть все силы на случай возможной попытки оппозиции свергнуть президента.

За своим шефом, уже на стульях, сидели два начальника оперативных отделов министерства.

Справа восседал седовласый глава службы безопасности Федоров и один из его заместителей – человек лет сорока пяти, с правильными, но совершенно неброскими чертами лица. Впрочем, применительно к его роду занятий это принято считать достоинством.

Затянувшееся молчание тяготело высокопоставленных правоохранителей, предчувствовавших, что разговор будет не из приятных. К упрёкам, ругани, обвинениям в свой адрес они успели привыкнуть: в последнее время их поносили, втоптывали в грязь все, кому не лень. И в этом, как они понимали, ничего удивительного не было. При существующем полярном расслоении общества, его озлобленности, растущем недовольстве положением дел, противостоянии интере-

сов, когда спорные вопросы в основном решались в их кабинетах, другого ожидать не приходилось. Но одно дело выслушивать поношения из уст депутатов, представляющих различные партии, движения, и совершенно иное – быть вызванными в кабинет зампреда Совета безопасности, фактически определяющего погоду в этой весьма влиятельной организации.

Неуютно, надо сказать, чувствовал себя и Березин. Он и его коллеги по прокуратуре всегда с предубеждением относились к тем, кому в силу специфики их работы приходилось подглядывать и подслушивать, прибегать к шантажу, заставлять ради получения необходимой информации одних доносить на других. Со временем эти люди становились скрытными, недоверчивыми, их поступки – непредсказуемыми. И даже сейчас, когда все правоохранительные органы находятся в его подчинении, когда их руководители ловят каждое его слово, выполняют приказы, докладывают – даже сейчас в их среде Березин чувствовал себя не в своей тарелке, ибо, не сомневался, что тихо и негласно в недрах этих структур разбухает досье и на него. Чтобы прогнать подступившее раздражение, Березин, обращаясь к председателю гэбэ, заговорил:

– Президент ознакомился с вашей докладной запиской по общественно-политической организации, именующей себя "Русичами", и остался весьма недоволен, чтобы не сказать большего. Издаётся газета, распространяются листовки, де-

путаты из левых через слово упоминают об этих самых Русичах. Вы же, кому в первую очередь следовало бы знать, что за всем этим стоит, пребываете, судя по докладной, в неведении.

Березин достал из кармана пачку "Мальборо", золотую зажигалку, резко придвинул к себе хрустальную пепельницу, закурил.

– Позвольте, Виктор Федорович, с вами не согласиться, – спокойно возразил председатель Комитета государственной безопасности. – Именно мы первыми узнали о создании такой организации, хотя все происходило на территории соседнего государства. Поставили в известность наших коллег из МВД и совместно с ними ведём работу.

Заместитель председателя совбеза недовольно передернул плечами, бросил в пепельницу недокуренную сигарету.

– Все это не более чем детали, возможно, для вашего ведомства и важные. Меня же волнует другое: именно у нас больше, чем в других государствах бывшего Союза, ощущается их влияние. Может, вам напомнить прошлые выборы? Невесть откуда появились кандидаты, пользующиеся колоссальной финансовой поддержкой. Или вы, Николай Николаевич, готовы предоставить списки их сторонников в правительственных структурах, местных органах власти?

Резкий тон начатого разговора не смутил маститого старца. Для себя он давно сделал вывод, что на его должности, в такие смутные времена долго не задерживаются. В любую

минуту могут воспользуется им как разменной монетой в политических играх оппозицией. Днём раньше отправят на пенсию, днем позже – какое это имеет значение? Громко хлопнуть дверью он не собирался, но уйти хотелось с поднятой головой. Поэтому в последнее время Федоров не боялся возражать, отстаивать собственное мнение. И впервые за долгие годы службы почувствовал облегчение, внутреннюю раскованность, словно сбросил с плеч тяжёлый груз.

– Такого списка у нас нет. И я не уверен, что когда-нибудь будет, – с ударением произнес Николай Николаевич.

Березин нарочито взметнул брови, театрально развел руками, не скрывая сарказма заметил:

– Как же можно работать без веры в успех?

– Можно, если знаешь положение дел. – Федоров положил руки на стол, на секунду задумался и ровным голосом продолжил: – С момента написания докладной прошло почти два месяца, и за это время возникли новые обстоятельства, кое-что прояснилось. Дабы вы имели полное представление, начну с самого начала. Организационная структура русичей построена по типу других зарегистрированных и действующих партий и движений. Возглавляет их доктор наук, профессор Владимир Николаевич Леднев. В каждом из государств – России, Украине, Белоруссии, Казахстане – на законной основе действуют национальные ассоциации содействия социально-экономическим реформам. Такую же вывеску для себя избрали и Русичи. Структуры, повторяю,

однотипны: президент, исследовательский центр, организационный, деловых связей, сотрудничества, информационно-издательский. В каждой области, где имеются сторонники русичей, ассоциацией назначается представитель. Добровольно в их движение влиться нельзя. Они сами подбирают людей из наиболее авторитетных и ничем себя не скомпрометировавших граждан. Основная их цель – создание мощного славянского государства...

– Примерно то же я прочел в докладной записке, – бесцеремонно перебил Березин. — Вы же, если мне не изменяет память, собирались, вернее, обещали преподнести свежую информацию.

– Извольте. Хотя не думаю, что она вас порадовала. Дело в том, что "Русичи", Леднев, национальные ассоциации – всего лишь ширма, за которой успешно маскируется тайное общество "Славяне".

Березин недоверчиво взглянул на Федорова и, не скрывая раздражения, спросил; – Что еще за новости? Почему вы ни словом не обмолвились об этом в докладной записке?

– Потому что она составлялась два месяца назад. И ещё потому, что не люблю спешки. Я поделюсь новейшей информацией, и вы сами будете делать выводы.

– Да уж будьте любезны просветить, – язвительно отозвался Березин.

У каждого областного представителя "русичей" имеется негласный двойник, что ли, который располагает списками

членов движения, занимается их проверкой и подбором кандидатов. Личность его тщательно скрывается, – четко, по военному докладывал Федоров. – Подчиняется он только и непосредственно ЦОСу – Центру объединения славян, обособившемуся в Москве. Но где конкретно, под какой вывеской, кто его возглавляет, – ни нам, ни ФСБ России неизвестно. Исходя из агентурно-оперативной информации определено можно сказать только о структуре Центра. Она такова: руководитель, отдел стратегических инициатив, разведки, контрразведки, оперативный, аналитический, экономический, военный, технического обеспечения... Пожалуй, к этому можно добавить, что подавляющее большинство сотрудников аппарата Центра – бывшие работники КГБ, милиции, военные, командовавшие специальными подразделениями.

– Насколько, Николай Николаевич, достоверна ваша информация? – сменил он тон.

– К сожалению, Виктор Федорович, она полностью соответствует действительности, – без раздумий ответил Федоров. – В дальнейшем, возможно, кое-какие уточнения последуют, но опровержения не будет.

– Вы хоть отдаёте себе отчет, какую опасность таит в себе организация, имеющая такие структуры?

– Отдаю. И поверьте, нами делается все возможное. Но вся каша варится в Москве, и мы лишь...

– Это ваша головная боль, – Березин уже взял себя в руки.

– Мне нужна четкая и конкретная информация. Если понадобится моя помощь...

– Да, действительно, нам без вашей помощи не обойтись. Заместитель председателя совбеза придвинул к себе записную книжку, повелительно бросил:

– В чем конкретно она должна заключаться?

– Нужно официальное разрешение на ведение агентурной работы на территории России.

Председатель гэбэ представлял себе примерный сценарий этого экстренного совещания, реакцию, которая последует на его сообщение, и заранее подготовив надежный щит, теперь пустил его в дело.

– Вы... вы в своем уме? – запинаясь, произнес Березин. – Кто же такое позволит?

Федоров органически не переносил тех, кто, поводе случая попав из грязи в князи – в нынешнее смутное время таких восхождений к вершине власти было не перечесть – потом, как правило, надменно и свысока смотрели на людей, идущих от ступеньки к ступеньке благодаря своим способностям и кропотливому труду. К сожалению, их куратор не был исключением. Однако, сознавая, что от его выпада пользы для дела не будет, миролюбивым, спокойным тоном заключил:

– Вот поэтому, Виктор Федорович, мы вынуждены ловить отголоски, собирать с миру по нитке.

Лояльность Федорова сильно раздражала Березина. Одна-

ко он не подал вида, с теми же требовательными нотками в голосе произнес:

– Как я понимаю, теперь очередь за работниками милиции.

И, повернувшись к министру внутренних дел, строго спросил: – У вас, Константин Михайлович, есть какие-нибудь новости?

– Да я, собственно... – замялся тот. – Послушаем полковника Брощина.

Не по себе было новоиспеченному министру на этом совещании: он не успел даже ознакомиться с материалами. Вдобавок ко всему, до назначения на эту должность генерал мало интересовался политикой – у командира дивизии хватает иных забот – и ничего не слышал ни о "Русичах", ни о "Славянах".

Тем временем Брощина, начальник отдела по борьбе с организованной преступностью, что-то недовольно пробурчал, словно не хотел расставаться со стулом, угрожающе заскрипевшим под его массивной фигурой, медленно поднялся.

Березин с любопытством посмотрел на полковника. До того, как попасть в обойму, он длительное время работал в столичной прокуратуре и неоднократно слышал о Брощине, как инициаторе разоблачения ряда преступных групп. И что примечательно: обычно такие дела туго проходили в суде, брощановские же – удивительно легко, без сучка и задоринки. Не отказывались от своих показаний свидетели, за-

щитники почему-то предпочитали не касаться нарушений со стороны милиции. Складывалось впечатление, будто над ними что-то довлеет. Что именно? Ну, естественно, скрупулёзность в оформлении материалов, педантизм ведущего дознавателя сыщика. И в его воображении сложился образ такого мозговика, чиновника, занудливого очкарика. Оказывается, ничего подобного.

Под два метра ростом. Возраст не поддается определению: явно больше сорока, но меньше пятидесяти. Густые длинные волосы. Под ними частично скрыты поломанные, видимо, на борцовском ковре лопухи-уши, Глаза под густыми бровями. Бычья шея. Тёмный свитер, казалось, вот-вот лопнет на широких плечах. Всею своей фигурой Брошан чем-то походил на ставшего на задние лапы матёрого медведя.

Опустив голову, переступая с ноги на ногу, он начал очень уж издалека:

– Две недели назад в гравийном карьере недалеко от Озерска был обнаружен труп киллера по кличке Коршун.

– Можно сидя, – спохватился хозяин кабинета.

Брошан медленно опустился на стул, опять заскрипевший под ним, положил руки на крышку стола, продолжил:

– Не вязалось. Знаменитый киллер, глухой городишко и случайная смерть – именно так указывалось в сводке о происшествии. На месте убедился: действительно, Коршун упал с восьмиметровой высоты, что и послужило причиной смерти. Однако врач, проводивший вскрытие, считает, что

несколько ударов погибший получил незадолго до падения. Нанесены они со знанием дела, по болевым парализующим точкам. Обследовав территорию вблизи карьера, я обнаружил в стволах деревьев две пули, выпущенные из пистолета.

Метрах в двадцати, напротив места падения Коршуна, примят мох, набросаны свежесломанные ветки – явная попытка навести тень на плетень. В целом же с учетом характера следов, разброса пуль вырисовывается следующая картина. Киллер стоял в восемнадцати метрах от дороги за стволом дерева и поджидал свою жертву, но что-то помешало ему попасть из пистолета. Между ним и жертвой произошла схватка, в которой Коршуну изрядно перепало. Видимо, пытаясь, он и сделал роковой шаг, – беспристрастным и монотонным голосом подытожил Брошан и замолчал.

Присутствующие вопросительно смотрели на пего. Наконец Березин понимающе кивнул:

– Стало быть, вы, полковник, увязываете смерть киллера с теми вопросами, ради которых мы здесь собрались? Или просто рассказали о событии, заслуживающем, на ваш взгляд, внимания?

– Однозначно трудно ответить, – Брошан о чем-то подумал. —

Коршун покушался, в этом нет сомнения, на одного крупного предпринимателя, ежедневно совершающего там утреннюю пробежку, кстати, и заявившего в милицию о трупе в гравийном карьере. На первый взгляд – очередная раз-

борка. Но... Как выяснилось в Озерске, незадолго до всех этих событий в гостях у упомянутого предпринимателя побывал его друг и бывший ближайший помощник, а ныне депутат парламента и один из ярких сторонников "русичей".

– Что-то здесь не вяжется, – вмешался Федоров. – Коршун считался одним из лучших и самых дорогих киллеров. И мне не верится, чтобы с ним справился какой-то предприниматель.

– Если кто и мог с ним справиться, то именно этот предприниматель, – не поднимая головы, безо всяких эмоций заметил Брошан.

– Думаю, ваш заместитель Васильев со мной согласится. Он лучше моего знает Вячеслава Ивановича Вознесенского.

Полковник Васильев воспринял сказанное спокойно. Посмотрел на опущенную голову Брошана, укоризненно проговорил:

– Как же так, Владимир Иванович, ты знал, что Слава здесь, и мне ни слова?

– Позвонил в этот же день. Но вы ведь, Иван Ильич, только вчера возвратились из командировки.

– Тогда упрек снимается. Как же он здесь оказался?

– Я с ним не говорил. Знаю только, что пять лет назад приехал в Озерный. На базе военного городка, где раньше стояли ракетчики, организовал фирму, развернул производство. Живет себе и процветает, – выдал полную информацию Брошан и добавил: – Нам сообщить о своем приезде,

как видишь, не счел нужным.

Понимая, что их диалог затянулся, и не дожидаясь вопросов, Васильев встал. Он был чуть выше среднего роста. Строгий взгляд, волевой подбородок выдавали в нем человека решительного и знающего себе цену. Потрогав безупречный узел галстука, заговорил:

– Вознесенский с отличием закончил юридический факультет Ленинградского университета. Отклонил предложение остаться в аспирантуре, наотрез отказался пойти на службу в КГБ, хотя наши кадровики приложили немало усилий, чтобы заполучить этого способного и целеустремлённого выпускника, кстати, свободно говорящего на немецком и шести славянских языках, совершенстве владеющего так называемым русским ручным боем.

Но Вознесенский выбрал оперативную работу в милиции. Быстро продвигался по служебной лестнице. В июле восемьдесят второго приехал в Афганистан с должности начальника городского отдела уголовного розыска. Вот там в специальном подразделении "Зэт", я и Брошан впервые встретились с Вознесенским и почти полгода воевали вместе. Потом его перевели в группу, выполняющую особое задание. Чуть позже туда же попал и я. В январе восемьдесят четвертого у Вознесенского произошел конфликт с одним высокопоставленным начальником с Лубянки и его отправили в Союз. С тех пор и до сегодняшнего дня я о нем ничего не слышал.

– И в чем была суть конфликта? – полюбопытствовал Бе-

резин.

– Об этом я и спросил нашего командира. На что получил примерно такой ответ: "Узнал то, чего не положено знать простым смертным", – закончил Васильев и сел.

Здесь он покривил душой: ему в деталях были известны все подробности конфликта. Возвращаясь со своей группой с задания на базу, Вознесенский наткнулся на караван с наркотиками, следовавший в Пакистан. Старшим, к его удивлению, оказался офицер КГБ. Как, впрочем, и восемь остальных сопровождающих. Им было приказано доставить груз в определённое место, получить деньги, положить их на счет в банке и вернуться в Кабул с документами, подтверждающими проведённую финансовую операцию. Несмотря на уговоры, переходившие в угрозы, Вознесенский приказал своим людям разоружить охрану каравана и уничтожить наркотики.

Буквально через день командира особого подразделения вызвал к себе его непосредственный начальник, устно ознакомил с поступившем из Центра приказом убрать Вознесенского, указал исполнителей предстоящей акции и велел включить их в группу обреченного.

Вечером командир рассказал о состоявшемся в Кабуле разговоре Васильеву, своему заместителю, и попросил поставить Вознесенского в известность об опасности.

На следующий день обновленная группа ушла на очередное задание и в нескольких километрах от лагеря напоролась

на духов. Как там развивались события, Васильев не знал. Когда он с людьми прибыл на помощь, Вознесенский, державший оборону на одном из флангов, был легко ранен, двое новобранцев оказались убитыми.

В Кабуле же, а оттуда на Лубянку ушло сообщение о потере троих бойцов особой группы. И это соответствовало действительности. Под третьим имелся в виду Вознесенский. Пока он втайне от непосвященных залечивал рану, командир через своих друзей добился приказа об его отправке в Союз.

– Да, этот Вознесенский личность любопытная, и, безусловно, им следует заняться вплотную, – вынес резюме Березин и спросил: – Скажите, Владимир Иванович, вам удобно будет продолжать эту работу? Все же знакомый.

– Вознесенского так просто не возьмешь. Он просчетов не допустит. Ввязавшись в его отработку, напрасно потеряем время. Установив же, кто дал заказ покойному Коршуну, думаю, многое сможем прояснить, – ушёл от прямого ответа Брошан.

Березин задумчиво постучал пальцами по полированной крышке стола, помолчал, обдумывая слова Брошана, потом медленно заключил:

– Пожалуй, так и поступим: Вознесенский от нас никуда не уйдет. Тем более, после случившегося он будет предельно осторожным. А дальше – посмотрим. – В эту минуту Березин напрочь забыл, что он давно уж не работник прокуратуры. Он был в своей стихии и чувствовал себя как рыба в

воде. – Понимаю, отыскать заказчика будет делом архисложным, скорее всего, живет он за пределами нашего государства. Но это пока единственная реальная зацепка... Что нового Тарасов, по вашей линии? На экономическом, так сказать, фронте.

Надо сказать, Березину, как и многим другим, Тарасов импонировал. Безукоризненная, хотя и простая прическа, черная полоска аккуратно подстриженных усов, лицо без единой морщины, красивые волевые черты. Одет всегда со вкусом. В поведении, движениях, манере чувствовалось сдержанное достоинство.

– Сожалею, Виктор Федорович, но мне нечем вас порадовать. За последний месяц четыре ранее мощные частные фирмы практически перестали существовать. Кто-то подвёл под них мины. Мы же по-прежнему не можем установить закулисных режиссеров.

– Что за мины, Вячеслав Михайлович, я не совсем понимаю, – признался Березин.

Тарасов кивнул головой и принялся объяснять:

– Как вы заметили в самом начале совещания, сторонники русичей не испытывают нехватки в деньгах. На это обстоятельство мы обратили внимание. Проанализировав материалы, установили странное совпадение: именно с момента появления на политической арене этого движения, благополучные, но с явно криминальным уклоном фирмы, стали лопаться подобно мыльным пузырям. Тогда зародилась вер-

сия: Русичи, они же – "Славяне", добывают деньги через разорение уязвимых, с точки зрения закона, фирм.

– Интересная мысль, – оживился Виктор Федорович. – Реальными фактами могли бы подкрепить свою версию?

– Разве что убедительными доводами, – усмехнулся Тарасов.

– Судите сами. Все разорения схожи по методике и сценарию. Фирма заключает противоправную сделку, вкладывает огромные деньги и... остаётся у разбитого корыта. Несмотря на фиаско, руководство, естественно, отмалчивается – в случае огласки придется нести ответственность перед законом, – не нанимает рэкетиров, чтобы вернуть утраченное, хотя и понимает, что их подставили. Из чего напрашивается вывод: за обидчиками стоит такая сила, с которой никакому рэкету не справиться.

– Да, – согласился Березин, – иное здесь предположить трудно.

– Однако обанкротившиеся фирмы не перестают существовать. Происходит перераспределение акций, контрольный пакет скупает акционерное общество закрытого типа "Надежда", корректируется, меняется руководство. Как правило, во главе становятся бывшие сотрудники гэбэ или милиции.

– Отрадный факт. Смотри, бывшие коллеги и о нас позаботятся, когда отправят на пенсию, – пошутил Березин и жестом велел продолжать.

– Я по своей линии связался с коллегами из соседних государств. И хотя получил пока только часть ответов, информация впечатляет. – Тарасов достал из бокового кармана записную книжку, нашёл нужную страницу, вслух прочёл: – В Казахстане фирма "Надежда" имеет контрольный пакет акций в шести предприятиях: Ростов, Самара, Волгоград, Воронеж – по одному, но это предприятия-гиганты и держатся на плаву; Москва, Тюмень – по два, столько же в Киеве, Харькове. Но, повторяю, ответы поступили еще не все... И последний штрих, согласно поступившим ответам, все контролируемые "Надеждой" предприятия и фирмы, как и у нас, финансировали предвыборную компанию депутатов, не скрывающих симпатий к русичам.

– Вы можете представить поименный список таких депутатов?

– быстро спросил Березин.

– Да, но у меня здесь все вместе: и наши, и соседи.

– Ничего. Я разберусь.

Тарасов протянул зампреду совбеза свою записную книжку. Пробежав глазами несколько страниц, Березин с трудом сдержал радость: такая информация дорого стоила в политических играх, позволяя безошибочно высчитывать возможных союзников и врагов.

Пока Березин старательно переносил в свою записную книжку фамилии, Тарасов мысленно анализировал полученную информацию и поведение участников совещания.

Больше всего его поразил Брошан, с которым он проработал рука об руку почти двадцать лет и которого успел хорошо изучить. Обычно из этого здоровяка трудно было что-либо вытянуть. Даже когда вопрос ставился в лоб, он всегда отделялся неопределенным хмыканьем или дипломатическим кивком. И вдруг такая откровенность. Причем откровенность странная. Там, где речь шла о вещах очевидных, Брошан выстраивал логическую цепочку, делал упор на факты, зато вскользь говорил о вопросах, требующих детального рассмотрения. Свое мнение относительно дальнейших действий преподнес настолько удачно, что у Березина не возникло ни малейших подозрений. В итоге один из тех, кто, вероятно, располагает ценной информацией об интересующем их движении, искусно отодвигается в сторону, словно за ненадобностью, оставался без всякого оперативного прикрытия. В иной раз поведение Брошана он мог как-то объяснить: тот частенько говорил одно, делал другое, а думал о третьем. Ему ничего не стоило пустить пыль в глаза, чтобы избежать опеки и развязать себе руки для дальнейшей работы. Но почему тогда промолчал Николай Николаевич? Старого лиса не так-то легко провести. Чем объяснить тот факт, что Брошан, всегда избегающий конфликтов, поставил в неловкое положение своего афганского приятеля? И разве не очевидно, что тот же Васильев не все рассказал о Вознесенском?

Чем дальше Тарасов рассуждал, тем больше возникало

вопросов. Березин с довольным видом вернул ему записную книжку, сказал:

– Хотелось бы более подробно узнать об акционерном обществе "Надежда". Вы, Вячеслав Михайлович, располагаете какими-нибудь сведениями?

– Разумеется, – ответил Тарасов. – Возглавляет его совет директоров. Во главе – генеральный директор с неограниченными правами как в хозяйственных, так и в финансовых вопросах. Для гибкости руководства создан оперативно-хозяйственный отдел, где собраны молодые и башковитые специалисты. Возглавляет этот отдел жена генерального директора...

– Скажите же наконец, кто шеф этой фирмы? – перебивая Тарасова, спросил Березин.

– Вознесенский Вячеслав Иванович, – ответил Тарасов и незаметно оглядел присутствующих: для всех его сообщение было как гром с ясного неба, только Броцман никак не отреагировал.

Первым нарушил молчание Федоров:

– Похоже, мы достаточно близко подошли к таинственному замку. Теперь осталось заглянуть за его стены. – Повернувшись к Березину, попросил: – Виктор Федорович, если будете докладывать о "Славянах", постарайтесь сделать это так, чтобы информировано было как можно меньше людей. Я не стал сегодня говорить о непроверенных оперативных материалах, однако замечу, если они подтвердятся даже ча-

стично, поверьте, нам придется решать задачи чрезвычайной сложности.

– Сложнее, чем ловить шпионов? – пошутил Березин. Однако председатель гэбэ не поддержал шутки и грустно заметил:

– Хуже нет, когда тебе противостоят профессионалы высочайшего класса, прошедшие ту же школу, что и ты, и имеющие сторонников во всех ключевых государственных структурах.

Березин пристально взглянул на него, с минуту помолчал, раздумывая, медленно проговорил:

– Пока не будем торопиться с докладами. Когда поднаберем реальных фактов, определим главных действующих лиц, узнаем о целях этого тайного ордена, тогда можно будет говорить о чем-то конкретно. – Он сделал паузу, про себя отметив, что просьба Федорова как нельзя лучше позволяет ему до поры, до времени не раскрывать сути из услышанного сегодня, информацию же по депутатам он сможет подать и без объяснений. Прежде чем закончить совещание, предупредил: – Никакой раскачки и медлительности! Каждый знает, чем ему заниматься, и я жду результатов. В случае необходимости можете выходить прямо на меня. Без моего ведома никому и никакой информации по "Славянам" не предоставлять.

* * *

Грузный мужчина лет пятидесяти, с короткими седыми

волосами, с одутловатым лицом, открутил короткими, толстыми пальцами колпачок плоской фляжки, поднес её ко рту. Сидящий за рулём "Мерседеса" молодой, крепко сбитый водитель быстро разрезал на дольки лимон, протянул соседу. Но тот не отреагировал на его старания, взял из пачки сигарету, стал разминать в пальцах.

Тут же один из двоих охранников, расположившихся на заднем сиденье, с холопской готовностью поднес ему зажигалку, второй, с меченым шрамом лицом, приспустил боковое стекло.

Сделав несколько затяжек, седоволосый с отвращением выбросил сигарету, хриплым простуженным голосом произнес:

– Узнать обстановку.

Водитель взял лежащую между сиденьями портативную рацию, дважды, с интервалом, нажал на кнопку вызова. Через несколько секунде микрофоне послышалось:

– Перед нами машин двадцать. Продвигаемся быстро. Шмонают по выбору.

Седоволосый бросил взгляд на часы в панели, коротко приказал:

– Жми на газ.

Водитель быстро передал рацию сидящим сзади, завел мотор. Через несколько минут темно-синий "Мерседес" на большой скорости проскочил мост через Оку, на крутом затяжном повороте обошел несколько груженых фур и, вы-

рвавшись из их окружения, еще стремительней понёсся в сторону поста ГАИ.

– Не гони лошадей, – беззлобно буркнул седовласый. – Нам осложнения с ментами сейчас ни к чему.

Водитель понимающе кивнул, выбрал момент и, не обращая внимания на нервные сигналы обозлённых коллег, не желающих уступить места, влился в общий поток.

Перед самым постом ГАИ машины двигались с черепашной скоростью, а то и останавливались совсем. Воспользовавшись этим, седовласый вышел из "Мерседеса". Стал спиной к ветру, застегнул куртку, поглубже натянул кожаную шапку с козырьком, прошагал вперёд. Быстрым взглядом окинул отогнанные в сторону автомашины. Убедившись, что его грузовики в их число не попали, облегченно вздохнул и поспешил вернуться в теплый салон.

Подошел молодой милиционер, взял протянутые водителем документы, попросил открыть багажник. Его напарник, пожилой сержант с холодными бегающими глазками, жестом приказал всем покинуть машину. Когда его приказ был выполнен, с брезгливой миной на лице заглянул в салон, ощупал руками мягкие сиденья, карманы чехлов. Не найдя ничего, что привлекло бы его внимание, ни слова не говоря, направился к следующей подъехавшей машине.

Сев на свое место, седоволосый запустил пальцы в пачку с сигаретами, бросил водителю:

– Теперь можешь и поднажать

Однако вырваться из потока машин оказалось делом не простым.

Некоторые водители, несмотря на относительно раннее время (не было еще и четырёх по полудни), чтобы не испытывать судьбу (на трассах, особенно ночью, нынче не спокойно), спешили на ночлег поближе к посту ГАИ. На встречной полосе вереница машин растянулась на добрых полкилометра, и каждый водитель при малейшем удобном случае норовил вырваться вперёд: не ночевать же, когда до Москвы осталось всего ничего.

Пока водитель "Мерседеса", искусно маневрируя, обогнал одних и в притирку разминался с другими, выстуженный во время проверки салон успел нагреться. Должно быть, тепло, напряжение последних дней (двое суток практически без сна) взяли свое, и седоволосый почувствовал, как веки его отяжелели, непроизвольно начали слипаться. Он пытался прогнать сон, открыть глаза, но это было свыше его сил. И лишь когда из пальцев выпала недокуренная сигарета и остатки сознания среагировали на опасность, встрепенулся, потряс головой и хрипло бросил:

– Рацию!

Послал в эфир два коротких сигнала и секунду погодя спросил:

– Где вы находитесь?

Тут же последовал ответ:

– От поста ГАИ отъехали двадцать километров. Седово-

лосый что– то прикинул в уме, потом сменил частоту и проговорил в микрофон:

– Худой, я Бес. Через полчаса буду на месте. Как меня понял?

– Жду.

Седоволосый довольно крикнул, положил рацию между сидений и расслабленно откинулся на спинку. Донесённая эфиром фраза, помимо понятной всем информации, для него содержала и скрытый подтекст: собеседник давал понять, что никаких оснований ставить под сомнение сделку у него нет.

Водитель по-своему истолковал поведение шефа и, не отрывая взгляда от дороги, посоветовал:

– Можете перекимарить. Только скажите, где разбудить.

– Не до этого. Скоро будем сворачивать. Последние слова потонули в нарастающем гуле. Водитель тут же сбавил скорость, прижался к обочине, с недоумением посмотрел в зеркало заднего вида. Обгоняя их машину, буквально в каком-то десятке метров над дорогой про-летел военный, судя по окраске, вертолёт.

– Вот падла, до смерти напугал, – признался охранник со шрамом на щеке. – В Чечню, мудаки, летите, вызовите оттуда свои желторотых вояк, а здесь не хрен людей пугать.

– Заткнись, советник сраный! – обрезал седовласый, выглядывая по сторонам какие-то одному ему известные приметы. С минуту помолчав, сказал водителю:

– Сейчас будет деревня. Сразу же за ней свернёшь вправо и – к лесу.

Съехав с трассы, они по разбитому просёлку обогнули деревню и углубились в лес. Стиснув зубы, бросая машину из стороны в сторону, водитель с трудом одолевал многочисленные лужи.

– Здесь, бя, только на танках ездить, – теперь уже не удержался от комментария второй охранник, видимо, представив, что будет с его новенькими итальянскими сапогами, если придется толкать машину.

Опасения оказались напрасными. Вскоре они выехали на поляну, в глубине которой, маскируясь кустами, стоял тёмно-вишневый "Форд". Седоволосый тронул водителя за плечо:

– Дважды моргни фарами, остановись, после интервала повтори. – Не оборачиваясь к охранникам, бросил: – Быть начеку, без моей команды ничего не предпринимать.

Водитель выполнил распоряжение. Фары "Форда" трижды зажглись в ответ, и он грузно выполз из своего укрытия.

Машины сошлись в центре поляны. Из "Форда" выбрался высокий пожилой мужчина в длинном черном пальто. Прошел к багажнику, поднял крышку, достал черный дипломат и молча протянул его подошедшему седоволосому. Тот взял дипломат, поставил на капот, открыл. Сдержанно улыбнулся, увидев аккуратно сложенные пачки стодолларовых купюр. Жестом указав на дипломат, велел охранникам пере-

считать.

Высокий и седоволосый отошли в сторону. Едва успели закурить, как в глубине леса взревели двигатели, раздался треск кустов: блокируя легковушкам выезд, на поляну вкатились два мощных армейских "Урала".

Меченный шрамом охранник схватил дипломат, метнулся к ближайшим кустам, на ходу доставая спрятанный под курткой пистолет, и ... растерянно замер: чуть выступив из-за деревьев, с короткими автоматами на изготовку, кольцо замыкали около десятка человек. В камуфляже, с лицами, спрятанными под защитного цвета масками они могли бы сойти за призраков.

– Подставил, сука, – не разжимая тонких побелевших губ, процедил седоволосый и с нескрываемой угрозой пообещал: – Дорого, Худой, ты заплатишь за свои шутки.

Высокий оценивающе огляделся по сторонам. Увидев застывшего с пистолетом в руке охранника, поспешил с советом:

– Скажи, Бес, своему придурку, пусть бросит ствол. Иначе они из нас решето сделают. С этими ребятами шутки плохи я с ними уже имел удовольствие пообщаться. – Выждав, пока седоволосый обдумает его совет и окриком образумит меченного продолжил: – Кто кого подставил, – конечно же, будем разбираться: потерю пяти миллионов баксов мне никто не спишет.

– Про оружие в машинах им известно?

– Похоже, они знают все.

– Но откуда? ... Как тебя повязали?

– Сидел, ждал тебя. Тихонько подкрались, приставили к виску... И это уже после того, как ты выходил на связь.

Видя, что в их сторону направляется один из призраков, Бес, быстро проговорил:

– Беру все на себя: товар мой, баксы мои, ты – просто шестерка на подхвате. Отмазывайся любыми судьбами. Хрому передай: Садовая, двенадцать... Да, в общем он знает ...

По-охотничьи ступая, не снимая пальца со спускового крючка автомата к ним приближался человек в ладно сидящем, словно сшитом на заказ, маскировочном комбинезоне. (Под таким угадываются, самое малое, полковничьи погоны, из-за чего Бес, ничтоже сумняшеся, окрестил его полковником). Однако не воинственный вид "полковника", демонстрирующий готовность в любую минуту открыть огонь, вызвал оцепенение в теле Беса. Поразил и парализовал пронизывающий, как у змеи, взгляд из прорези в маске. Стиснув, непроизвольно дрожащие от страха губы, весь сжавшись, Бес вдруг отчетливо понял: ему уже доводилось видеть эти безжалостно-ироничные глаза.

Между тем "полковник" каким-то странным, словно говорил не человек, а робот, голосом уже диктовал свои условия:

– Будете вести себя разумно – останетесь в живых и даже на свободе.

С усилием ворочая одеревеневшим языком, Бес спросил:

– Что от нас требуется?

– Немногое. Ты, – "полковник" кивнул в сторону Худого, – соберешь оружие у охранников, возьмёшь дипломат, рацию и принесёшь все сюда. Потом вы прикажете своим людям в грузовиках следовать за джипом, который до сих пор сопровождал их.

Выбирать не приходилось. Бес жестом велел Худому, чтобы тот принимался за дело, сам же, чтобы избавиться от пронизывающего душу взгляда, вяло опустился на землю, обхватил голову руками. В эту минуту его совершенно не волновало, выполнит ли "полковник" свое обещание об их дальнейшей судьбе. В голове назойливо стоял один и тот же вопрос: как эти люди прознали об операции с оружием? Операции, лично им разработанной, в детали которой практически никто не был посвящен, никто не знал маршрута движения/марок машин, их номеров.

Худой взял Беса за плечо, протянул рацию. Тот прокашлялся, послал в эфир два коротких вызова, после чего проговорил:

– Я бывший хозяин. Рядом с вами держится джип. Следуйте за ним и выполняйте все указания тех, кто в нём. Сейчас вы получите подтверждение моих слов.

Худой взял рацию, назвал себя. Секундой позже в трубке послышался радостный голос:

– А мы-то уже думали, что за нами увязался хвост.

"Полковник" забрал из рук Худого рацию, сунул её в один

из

многочисленных карманов комбинезона, достал свою и тем же нечеловеческим голосом проговорил:

– Команду з машинах получили. Выходите на контакт.

Бес и Худой напряглись. Они понимали: в случае малейшей неувязки там, на трассе, им несдобровать.

Нет, все обошлось.

Рация в руках у "полковника" ожила, и прозвучало сообщение: контакт установлен.

Оба заложника облегченно вздохнули, вопросительно уставились на "полковника". Тот молча приказал Худому подойти. Бес видел, как у его контрагента задрожали руки, как мгновенно покрылось потом лицо. Худой сделал два шага вперёд. "Полковник" тут же, не церемонясь, развернул его спиной к себе, достал из-под воротника пальто миниатюрный передатчик. Потом лёгкой, пружинящей походкой подошёл к "Мерседесу", извлек из кармана чехла такое же устройство, "Вот теперь порядок", – пробормотал вполголоса и поднял над головой скрещенные руки. По его команде заработали двигатели "Уралов". Цепь людей, окруживших поляну, распалась на двое. Одна группа направилась к "Форду", вторая – к "Мерседесу".

Через минуту машины одна за другой потянулись с поляны.

Глядя им вслед, Бес неожиданно разразился истерическим смехом. Худой с опаской посмотрел на него и на вся-

кий случай на шаг отступил.

– Худой, ты давно ездил на телеге? – с трудом сдерживая смех, спросил Бес и тут же добавил: – В ближайшее время придется. Тебе до Ростова, нам до Москвы.

– Нашел повод для веселья, – зло отозвался Худой.

– Дурак, это смех сквозь слёзы, – уже обычным своим тоном проговорил Бес. – Смеяться нам с тобой не с руки: вы потеряли пять лимонов, оружие, мы – машины. Вдобавок не выполнили заказ... Слушай, и как же они нас так ловко накрыли?

– Я же говорил, – неохотно отозвался Худой, – Двое подкрались ко мне со стороны леса. Там у них, видно стояли "Уралы". С кем– то связались по рации, и остальные прилетели на вертолёте.

– Ни фига делишки, – присвистнул Бес. – Военный вертолёт, военные машины... Это кто же такой нам надрал задницу?

– Ну, это твои вопросы, – с нескрываемым злорадством заметил Худой. – Меня сейчас интересует другое: что мне передать своим на счет компенсации ущерба? Ты же понимаешь, что этот кидняк придется покрывать?

– Кто виноват, тот и покроет.

– Ты думаешь...

– Не скули, – перебил Бес. – Темнеет. Надо спешить добраться до деревни. Может, оттуда удастся связаться с Москвой.

* * *

Показавшийся из-за тучи месяц осветил озёрную гладь; крутой, чуть припорошенный снегом берег полуострова; неподвижные в предзимнем сне деревья; одинокую фигуру у самой воды. Вот человек скользнул глазами по циферблату часов, внимательным взглядом окинул водное пространство между собой и светящимися огнями райцентром, легко взбежал на крутой берег, и по едва заметной в темноте тропинке, зашагал в глубь полуострова.

Вскоре вышел к небольшому пруду, обогнув его, оказался на поляне, окруженной с трёх сторон однотипными летними домиками. В центре её горел костёр, вокруг которого на бревнах сидело двенадцать человек – шло кустовое совещание "Русичей".

Стараясь не помешать разговору, беззвучно, по-кошачьи прокрался к крайнему домику, вошёл.

В небольшой комнате окна были завешены одеялами, на стене тускло горело бра, стояли обшарпанный стол и два таких же невзрачных стула, на одном из которых сидел пожилой плотный мужчина в теплой стёганой куртке. Перед ним лежал портативный приёмник – мужчина, похоже, слушал происходящий возле костра разговор. -

Увидев вошедшего, жестом указал на свободный стул, с теплотой в голосе произнес:

– Присаживайся, Вячеслав Иванович. Совсем мы тебя в последнее время замордовали.

Опускаясь на стул, Вознесенский – это был он – внимательно посмотрел на говорившего.

– Все нормально, Игорь Михайлович. Только всей этой мишуры – лес, ночь, костёр, бревна под задницей – душа не приемлет. Собрались бы, как все нормальные люди, в тепле да в добре, за чашкой чая. Так нет, экзотики им захотелось.

– Они, брат, внешний антураж нашего движения, и кому, как не им, блюсти традиции предков... С другой стороны, согласись, в обстановке этой необычности есть своя изюминка.

Вознесенский только пожал плечами.

Судьба свела их впервые тринадцать лет назад в Афганистане. Полковник госбезопасности Бурмистров создавал специальное подразделение для ведения глубокой разведки, уничтожения баз подготовки моджахедов, борьбы с диверсионными и разведывательными структурами противника. Помимо физической и всесторонней воинской подготовки, боец его отряда обязан был обладать незаурядным умом, волей, выдержкой, иметь опыт ведения агентурной и разведывательной работы в тылу противника, знать иностранные языки. В числе сорока человек, отобранных им в Союзе, и уже воевавших в Афганистане, оказался и Вознесенский.

– Кажется, наговорились и договорились, – выключая приёмник, проинформировал Бурмистров.

– Мои люди проводят их до машин и обеспечат прикрытие, – сказал Вознесенский. – Так что можете не волновать-

ся.

– В том, что все пройдёт на высшем уровне, я не сомневался, – потирая озябшие руки, заметил Бурмистров и признался: – Это я посоветовал руководству поручить организационное обеспечение этого совещания тебе. Совещания, крайне для нас важного. Но об этом чуть позже.

– Скажите, Игорь Михайлович, вы приехали только ради этого совещания?

– Совещание – так, попутно. Главный вопрос – покушение на тебя. Бурмистров встал, размял затёкшие ноги, потом подошёл к двери и закрыл её плотнее.

Тем временем Вознесенский, отвернув край одеяла, окинул взглядом поляну. Там уже никого не было... Предложил:

– Давайте переберёмся к костру. Возле огня теплее будет, чем в этой настывшей конуре. – После короткой паузы, доверительно добавил: – Дай как-то не по себе: ночь, дом, никем снаружи не охраняется, стены фанерные. Все за версту слышно...

– Принимается, – охотно согласился Бурмистров. – По правде сказать, ноги у меня что-то стали бояться холода.

... Подбросив в костёр сухих веток, Вознесенский опустился на бревно рядом с Бурмистровым. Тот начал без обиняков:

– Полагаю, ты уже прикидывал, кто и почему хотел тебя убрать?

– Как же такой забавный случай оставить без внимания, –

с усмешкой заметил Вознесенский, прутиком выкатывая из костра печёную картофелину,

– Ну и что вырисовывается?

– В последнее время мы прилично наехали на фирмы Хромого, и его служба охраны решила положить конец бомбёжкам. Сами светиться не захотели, наняли Коршуна.

– Но как они на тебя вышли?

Вознесенский не стал спешить с ответом. Взял немного остывшую картофелину, протянул собеседнику. Тот благодарно кивнул, достал перочинный ножик, принялся скоблить подгоревшие бока, стараясь не задеть поджаренную корочку. Но есть не спешил, терпеливо ждал ответа на свой вопрос.

– Мой адрес Коршуну сообщил начальник охраны Хромого. А происходило все следующим образом. Одному из своих людей он поручил отыскать Коршуна и организовать встречу. Что и было сделано. Через два дня после их встречи Коршун поджидал меня в лесу, – равнодушно проговорил Вознесенский.

– Здесь кроется какая-то ошибка. О твоём местонахождении и кто ты есть, о делах группы известно только шефу, его заму и мне. Вычислить тебя даже ни одному начальнику отдела Центра – не под силу: твои отчеты, сообщения я направляю в другие подразделения под разными псевдонимами.

– Эти подробности и тонкости, Игорь Михайлович, меня не интересуют. Вывод-то делать вам. В одном могу заверить:

все, что я сказал о руководителе охраны Хромого и Коршуне, – более чем достоверно. Для убедительности могу добавить: тот, кто искал Коршуна и сводил со своим шефом, – мой человек. Но он и не предполагал, на кого направляли киллера. Просто, зная, кто такой Коршун, дал сигнальную информацию.

Доводы Вознесенского вызвали у Бурмистрова смятение: произошло то, о чем он смутно догадывался, чего больше всего опасался. Стараюсь собраться с мыслями, получить время на раздумье, проговорил:

– Ошарашил ты меня. Дай пораскинуть мозгами.

– Можно и раскидывать, и про картошку не забывать, – усмехнулся Вознесенский. ^

– Спасибо, что напомнил, – автоматически обронил Бурмистров, держа в зубах нить своих размышлений.

В январе на совещании, где подводились итоги за минувший год, выступая с отчетным докладом, заместитель руководителя движения вскользь высказал предположение, смысл которого сводился к тому, что, по его мнению, назрела необходимость для выхода на открытую арену, и пытался обосновать такой шаг. Тут же основатель движения в пух и прах разбил его доводы, показал на примерах абсурдность и преждевременность такой инициативы. Однако посеянное зерно сомнений дало свои всходы. В кулуарах Центра продолжали обсуждать предложение заместителя, и вскоре у него появились сторонники. В основном это были

люди пожилые, которые к сытной жизни хотели прибавить более или менее заметное место на политическом Олимпе. Поэтому Бурмистров не удивился, когда на последней встрече руководитель движения назвал ему шесть фамилий командиров низовых звеньев и, конфиденциально сообщив, что в ближайшее время собирается провести в Центре кадровую перестановку, попросил тщательно проверить кандидатов и заодно тех, кто их заменит. Первым среди отобранных для перевода в Центр фигурировал Вознесенский. И вот его попытались убрать. Похоже, словесные дискуссии оборачивались чем-то похуже.

– Здесь мы больше ничего не решим, а по приезде в Москву я сразу нужно заняться проверкой. Дело нешуточное и отлагательства не терпит.

– Согласитесь, Игорь Михайлович, у меня больше прав самому разобраться в этой истории. И, поверьте, мне значительно проще чем вам это проверить. Безусловно, при вашей поддержке.

Из сказанного нетрудно было уловить, что Вознесенский, знает значительно больше, чем рассказал. И, видимо, он уже начал проверку, но почему-то не хочет об этом говорить.

– Нет, Вячеслав Иванович, проверкой я займусь сам. Копаться в грязном белье – моя, как ты знаешь, бывшая специальность. Вот и трях-ну стариной – пошутил Бурмистров и тут же спросил: – Теперь ответь: как после всего случившегося ты решился принять участие в операции с оружием?

Что твой дублёр не в состоянии был с этим справиться?

– Оставим эти игры, командир. Я намекнул, вы все правильно поняли. Дальше продвинуться в проверке у меня не было времени, – спокойным голосом расставил все по местам Вознесенский. – Решение же об участии в операции я принял лишь после того, как на все сто убедился в отсутствии слежки... Я ведь понимал: это мой последний выход. Не мог же я упустить возможности попрощаться с ребятами.

Бурмистрову стало неловко. Ведь он ещё в Афганистане сделал для себя вывод: с Вознесенским можно говорить только в открытую или вовсе не раскрывать рта. Фальш и подвох этот человек улавливал мгновенно. Поэтому он пошёл на попятную:

– Извини. Все ещё сказываются последствия профессиональной деградации. Шутка ли тридцать лет отпахать в контрразведке. Как я понимаю, ты хотел убить одним выстрелом двух зайцев: и со своими бойцами попрощаться, и вызвать огонь на себя.

Вознесенский кивнул.

– Что касается прощания, здесь ты прав: завтра же передай все полномочия по отряду дублёру. Занимаешься только делами фирмы и одновременно готовишь себе замену. В ближайшее время ты будешь переведён для работы в Центре. А что со второй твоей задумкой получилось?

– Пока не уверен, что сработала. Надо подождать. Прошло-то всего ничего.

– Извини, но я на твоём эксперименте вынужден поставить крест,

– голосом, не терпящим возражений, проговорил Бурмистров. – С завтрашнего дня тебя и жену будут охранять мои люди. Приказ они уже получили. Утром жди гостей. И прошу, без фокусов.

– Но это же сразу бросится в глаза. Город небольшой, все друг дружку знают, как облупленных, – пытался возразить Вознесенский.

– Здесь тебе конспирация больше не нужна. Главное сейчас – сохранить тебе жизнь. Кстати, встреча с Коршуном для тебя не будет иметь последствий?

– Для меня – нет. Вывод однозначен – несчастный случай. Однако кое-какие обстоятельства настораживают. – Вознесенский подбросил в костер веток, продолжил: – сюда приезжал гонец из министерства, побывал на месте моей встречи с Коршуном. Допускаю: он мог правильно восстановить картину...

– Его приезд вполне объясним. Погиб опытный киллер. Естественно, возникает вопрос: с какой стати он оказался в такой глуши?

– перебив Вознесенского, вслух рассуждал Бурмистров. – Что же касается твоей персоны, то мотивации более, чем убедительны. Бывший работник уголовного розыска. В свое время кому-то насолил, и этот кто-то решил свести счеты. Нанял киллера. Второй вариант ещё более перспективный.

Ты крупный предприниматель, перешёл кому– то дорогу. Гонец с тобой беседовал?

– Со мной не беседовал и даже не соизволил посетить местный отдел милиции.

– Правильно поступил. Коль несчастный случай, пусть даже не в таком виде, как его представили ваши пинкертоньки, большой роли это не играет.

И вновь Бурмистров кривил душой: от своего человека он до мельчайших подробностей знал о совещании у Березина. Но и не задать Вознесенскому вопроса о возможных для него последствиях он не мог. Это означало бы насторожить его, заставить копаться, уточнять. А он, Бурмистров, хоть и полностью доверял Вознесенскому, следуя старой традиции сыскарей, своих людей оберегал, как зеницу ока.

– Думаю, все несколько сложнее. С приезжавшим я знаком. Вместе служили в Кабуле до моего перехода в ваше подразделение. Человек он непростой: метр над водой, десять – под... Профессионал с большой буквы. И его поступок лишнее тому подтверждение. Я имею в виду то, что он не удостоил меня своим посещением.

– Хочешь сказать, тонко намекнул?

– Да. Это его манера: и себя не подставил, и меня предупредил. Брошан... – Вознесенский не договорил, поднял голову, настороженным взглядом уставился в сторону леса.

Бурмистров тоже взгляделся в темноту, прислушался. Не увидев и не услышав ничего подозрительного, уже собирал-

ся возвратиться к прерванному разговору, как из лесу показался человек.

Вознесенский быстро встал, пошел ему навстречу. Они о чем-то переговорили, и пришелец опять растворился в темноте.

– "Русичи" разъехались. Все тихо. Вашу машину поставили перед перешейком, – занимая свое место, коротко доложил Вознесенский.

Бурмистров почти нежно взглянул на соседа, но промолчал. Рука привычно скользнула в карман за сигаретами. Вспомнил, что еще по дороге из Москвы успел выкурить установленную себе суточную норму, почему и оставил сигареты в машине, тяжело вздохнул.

– Ты сказал – Броцан?

– Да.

– Так вот, он входит в группу, занимающуюся нашим движением. Не исключено, что это проверка – не имеешь ли ты отношения к "Славянам". Однако особо не волнуйся: здесь у нас позиции крепкие. – Видя настойчивость и обстоятельность собеседника, Бурмистров вынужден был сделать такой намек. – А теперь, Вячеслав Иванович, когда с текущими делами покончено, я хочу кое во что тебя посвятить. Разговор длинный, времени у меня в обрез. Утром необходимо быть в Москве, поэтому буду предельно краток. Чего сразу не уловишь – додумаешь на досуге.

И он рассказал Вознесенскому о трениях, возникших в

руководстве движения, о странной позиции второго в Центре лица. В конце добавил:

– Даром мне не завернут, я же не в ОБЭПе служу. А заплатить за обед, в этом заведении – моей зарплаты не хватит. Так что не тешь себя напрасными иллюзиями.

– Тебе-то о зарплате плакать! Возьми крутую группу под свою крышу – и внукам останется.

Васильев не обращал внимания на разгоревшийся в кабинете обмен любезностями. Последние пять лет ему часто доводилось по службе встречаться с Тарасовым и Броцаном, и он успел привыкнуть к такой манере друзей начинать разговор. Для себя же Васильев давно определил: за этими взаимными подколками скрывается годами выработанная методика воздействия на "третьего", оказавшегося в их компании.

Тот видел перед собой этаких недалёких служаков, раскованных, с грубоватыми шутками, невольно отпуская тормоза и, стараясь подстроиться, развязывал язык. Он же, Васильев, был в данном случае не более чем объектом для тренировки. И это лишний раз подчеркивало в его глазах их высочайший профессионализм.

Умение любую ситуацию обратить в свою пользу, навязать собеседнику нужную атмосферу, незаметно перехватить инициативу в разговоре – такое дается далеко не всем.

Садясь за длинный стол, Васильев достал сигареты, зажигалку. Его примеру последовал и Тарасов.

– Не успел одних курильщиков выпроводить, очередные

заявились, – пробурчал Брошан.

– Куда же нам было пойти? – артистично развел руками Тарасов. – Никак, пятница сегодня. Отчет о проделанной работе держать должны. А наш высочайший куратор изволил отбыть—так, по крайней мере, проинформировали его клерки – в командировку. Оставалось только к тебе, к одному из достойнейших.

Это был намек на недавнее интервью Березина в газете, в котором тот лестно отзывался о Брошане и его подчиненных.

– Корешатся-то с ним другие.

– Не устали пикироваться? – вмешался Васильев.

– Если и устали, то не от этого, – тяжело вздохнув, заметил Тарасов. – Работы невпроворот. Опытных сотрудников по пальцам пересчитаешь. Крутишься, как белка в колесе, а тут ещё на шею этот хомут надели: вынь да положь им братьев-"Славян". И самое страшное: никакого просвета. Чем дальше, тем хуже и хуже: что в жизни, что на работе. Вот, чтобы как-то снять стрессы, и упражняемся в остроумии.

– Что это, Иван Ильич, тебя последнее время на месте не застать? – поинтересовался Брошан. – Хотел один вопрос согласовать, неделю вызванивал.

– В Москве был. Ездил хоронить генерала Бурмистрова.

– Бурмистров... Бурмистров... Постой, это же твой шеф по Афганистану, да? – наконец вспомнил Брошан. – Никогда бы не подумал. А с виду мужик.

– Убили его, глухим голосом оповестил Васильев. – Пря-

мо у подъезда из снайперской винтовки.

Тарасов и Броцан с откровенным сочувствием взглянули на жадно затягивающего сигаретой гэбэшника.

– Но он же, прошел помню, такой слушок, еще в конце восьмидесятых свалил из этого дурдома, – заметил Броцан. – Столько лет прошло, пенсионер. Он-то кому мешал?

– Этого я не знаю ... Кстати. На похоронах встретился с Вознесенским.

Понимая, что разговор о погибшем причиняет Васильеву боль, Тарасов решил сменить тему и прояснить давно назревший вопрос.

– Возможно, не ко времени начинаю разговор, однако до сих пор не могу себе объяснить, почему Иван Ильич, ваше ведомство оставило без внимания единственную реальную возможность выхода на «Славян»? Я имею в виду Вознесенского. Он что, ваш человек? Тогда, конечно, вопрос снимается и можно не искать правдоподобных объяснений.

Васильев взял новую сигарету, тихо, глядя куда-то поверх голов, заговорил:

– А ведь и верно: в данной ситуации такое предположение вполне уместно. Однако это не так. Комитет и комитетчиков он ненавидел всеми фибрами души. Были личные причины. Дабы не быть голословным, позволю себе привести кое-какие факты. В свое время, в Афганистане, нашим ведомством ему был вынесен смертный приговор.

Здесь Васильев выдержал паузу, мысленно решив не оста-

навливаться на подробностях.

– Да и раньше он дважды серьезно поцапался с руководством Ленинградского КГБ. Вопрос даже стоял о переводе его в другой город. Деда расстреляли в тридцатые, бабушку сослали. Отцу не дали закончить военное училище. Добавьте к перечисленному и то обстоятельство, что в его жизни важную роль сыграл некий донской казак, у которого были свои счета с чекистами.

Тарасову Васильев нравился своей обстоятельностью и определенной позицией. Но при общении с гэбэшниками он всегда помнил словам своего первого учителя по милиции: «Откровенность с языка умного комитетчика – высшая степень хитрости».

– Да, Вознесенский вашего брата, знаю, не жаловал, – подтвердил Брошан и спросил:

– По убийству Бурмистрова есть реальные зацепки?

Васильев отрицательно покачал головой.

– Да, собственно, о каких зацепках может идти речь, если стрелял снайпер, – сочувственно произнес Брошан.

– И все же будем искать, – не меняя позы, тихим, но решительным голосом проговорил Васильев. – И не только по официальной линии. Вознесенский оставил все свои коммерческие дела и вплотную займется розыском убийцы. В понедельник и я постараюсь оформить отпуск, чтобы развязать себе руки...

Прозвучало заявление, которое не могло не насторожить.

И если Брошан сделал вид, что пропустил сказанное мимо ушей, то Тарасов тут же заметил:

– Покушаются на Вознесенского, убивают Бурмистрова. Нет ли, Иван Ильич, между этими событиями связи?

– Такой вывод напрашивается, – спокойно отозвался Васильев.

– Вели к этому приплюсовать милицейское прошлое Вознесенского...

– Можешь не продолжать, – перебил Васильев. – Согласен, этих обстоятельств нельзя не учитывать. Но как все повернуть?

Недовольно, из-под лба Брошан взглянул на Тарасова, своими вопросами и рассуждениями позволившего Васильеву подвести разговор к роковой черте. Что именно этого добивается комитетчик, Брошан понял сразу же как только тот сказал, что ездил на похороны Бурмистрова. Стараясь уйти от повисшего в воздухе вопроса, посоветовал:

– На твоём месте, Иван Ильич, я не стал бы пороть горячку с отпуском. С погонями на плечах в частных сыщиков вообще не играют. Будешь только обузой Вознесенскому. Твое стремление найти убийцу нам понятно. Однако, оставаясь на своём месте, ты принесешь пользы значительно больше, чем если займешься кустарщиной. У тебя под руками тысячи подчиненных, доступ к информации, техника.

Теперь уже Тарасов недовольно покосился на друга. Тот по обыкновению старался сгладить острые углы, увести раз-

говор в сторону. Тарасова же такой вариант не устраивал. Ему надоели недомолвки, атмосфера настороженности с первого же дня совместной работы по "Русичам"- "Славянам". Из-за чего, скрашивается, вся эта мышинная возня? Недоверие гэбэшников? Их ведомственные интересы? Стремление Васильева и Брошана выгородить их общего знакомого Вознесенского? Ему нужна была определенность. И он, пытаясь ее найти, пустил пробный камень: достал из бокового кармана сложенный лист, принялся вслух читать сообщение агента "Лиса", где со всеми подробностями рассказывалось о предотвращенной сделке с оружием. В связи с упоминанием Васильева о ленинградском прошлом Вознесенского, особенную надежду он возлагал на последние фразы. По словам агента, его хозяин по дороге домой неоднократно повторял одно и то же: "Где я видел эти страшные глаза? И потом вслух произнес: "Точно, тот самый, ленинградский мент!"

– Это где же такой классный кидняк прокрутили? – поинтересовался Брошан.

– На границе Московской и Рязанской областей.

– Сплошное расстройство: территория другого государства. Вознесенский тоже покидает наши края. Мы опять остаемся у разбитого корыта. Что будем докладывать Березину? ... Благо хоть сегодня его нет. Может, за неделю чего-нибудь наскребём. – Брошан взглянул на часы, присвистнул и заявил: – Извините, но я вынужден бежать.

У меня запланирована встреча с одним человеком. Отме-

нить её или перенести невозможно: там, куда я иду, нет телефона... И прошу: в другой раз предупреждайте о визите.

Тарасов с неудовольствием смерил Брощана взглядом: такой оборот дела его явно не устраивал. Для себя он решил, что Брощан не без умысла прервал разговор. Ссылка на встречу – не более чем повод.

* *_ * *

Однако Тарасов ошибался. У Брощана, действительно, было назначено randevu.

Распрощавшись с гостями, он спустился в гараж, через запасные ворота, не включая габаритных огней, выехал на тихую улочку. Пропустив несколько машин, резко тронулся с места и через десяток метров свернул в арку старого дома. Дворами, держа в поле зрения зеркала заднего вида, выехал на проспект, Ведущий на кольцевую дорогу. Перед тем как пересечь городскую черту, покрутился между домами в новом микрорайоне и лишь после этого взял курс к месту встречи. Зачем он страховался? Впрочем, вернее было бы спросить – почему? Да потому, что никак не мог объяснить себе поведение гэбэшников.

Обычно, при совместной работе, те брали на себя идеологические вопросы, предоставляя милиции заниматься конкретными фактами и лицами. В данной же ситуации руководство КГБ явно старалось избежать такого разделения. Еще больше вопросов вызвало поведение Васильева. Комитет – не та организация, где позволяется самостоятель-

но принимать значимое решение. В этой фирме любая официальная бумажка обростала несколькими резолюциями, а план оперативных мероприятий и вовсе походил на талмуд. И вдруг со стороны Васильева такая непозволительная откровенность. Броцман чувствовал: за этим что-то кроется. Но что именно— на этот вопрос ответа не было. Он видел, что ищет ответа и Тарасов, избравший метод логического давления. Однако его оппонент всячески уходил от схватки с открытым забралом.

Свернув на проселочную дорогу, Броцман заглушил мотор, выключил свет, габаритные огни. Принялся наблюдать за пронесившимися мимо машинами. Но ни одна из них не остановилась и даже не сбросила скорость.

Окончательно убедившись в отсутствии слежки, он вылез из машины, достал из оперативной кобуры пистолет и, привязав к рукоятке тугую резину, опустил оружие в правый рукав свитера. Чтобы проверить свое приспособление в действии, резко взмахнул рукой. Пистолет тут же оказался в руке. Довольный результатом, сел за руль и продолжил путь.

Вскоре гравийная дорога привела его к одиноко стоящему на самом берегу небольшой речушки коттеджу, окруженному вековыми соснами. Не успел подъехать, как в свете фар появился высокий дородный мужчина и торопливо отворил двери гаража.

В просторной гостиной, обставленной дорогой мебелью, горел камин. Было тепло. Хозяин жестом указал на два крес-

ла возле журнального столика, заставленного вазами с экзотическими фруктами и бутылками разных форм и размеров, поинтересовался:

– Вам чего налить?

– Я пас, – буркнул Брошан.

– Ну это вы зря. Дневные стрессы необходимо снимать. Иначе они накапливаются, и даже может крыша поехать. Выпивка, возможно, – не лучший способ для этого, но сегодня по вашей милости мне придется воспользоваться горячительными эликсирами.

Мужчина расслабил узел галстука, снял дорогой пиджак, небрежно бросил на софу. Наполнил себе рюмку.

Первая их встреча произошла почти семнадцать лет назад. Но прежде чем она состоялась, Брошану пришлось изрядно попотеть в поисках неуловимого Орлика – Александра Петровича Орлова, промышляющего сбытом фальшивых бриллиантов и золотых монет. После освобождения Орлов опять пытался добывать на хлеб насущный мошенничеством. Однако засыпался же на первой сделке.

В известном смысле это предопределено. Ещё при первой встрече Брошану приглянулся молодой и неглупый прохиндей, имеющий обширные связи в преступном мире. Из него мог получиться неплохой агент. Поэтому Брошан начал пасти Орлова с первых же его минут на свободе.

Задержанный с поличным, Орлов впал в панику. Перед ним отчетливо обозначилась безрадостная перспектива сно-

ва вернуться на нары и уже в качестве рецидивиста. А этого ему хотелось меньше всего на свете. И когда Брошан пообещал оставить незамеченным пустяковое, в общем-то, преступление, при условии негласного сотрудничества Орлова с милицией, тот согласился не задумываясь.

С тех пор они более или менее регулярно встречались.

– Замудохался окончательно, – покончив с трапезой и вальяжно развалившись в кресле, проговорил Орлов. – От одного отобьёшься – другое за горло берет. Ни минуты передыху. Уже забыл, когда с бабой спал. Мимоходом перепихнешься, чтобы не забыть, как это делается, и опять за работу.

В своем признании Орлов не кривил душой.

Когда на просторах недавно ещё большого и могучего государства, где жили почти одинаково и тот, кто пахал, как папа Карло, и кто бил баклуши, прозвучало подобно грому среди ясного неба: "Что не запрещено, то разрешено", Орлов чуть было не задохнулся от счастья. Пока пахари и честные люди рассуждали, присматривались, в его изошренном мозгу тут же родился план, позволяющий обманывать не единицы, а сразу тысячи. Подобрал себе надёжных помощников, он их руками начал возводить те сооружения, которые впоследствии получили название пирамид. И деньги потекли рекой. "Нафаршировавшись" ими до предела, понимая, что скоро этому придет конец, Орлов незаметно отошел в сторону и создал фирму по закупке нефти.

– Вот и развейся от забот в праведном разговоре со

мной, – усмехнулся Брошан.

– С тобой, начальник, развеешься, – грустно заметил Орлов, но тут же оживился и с жаром заговорил: – Слушайте, Владимир Иванович, имею, как говорят в Одессе, желание отдать ключи от банка. Все просто. Мы расходимся, как в море корабли. За мной отвальная. Тысчонок этак сто баксов. Вы забываете обо мне, подчищаете мои бумажки и живете в свое удовольствие. Можете даже свалить на пенсию.

– Наваристое предложение. На досуге подумаю. Пока же поведай мне, что ты выяснил в отношении этих разорившихся фирм.

– Не надо, начальник, меня за дурака держать. Они накрылись стараниями вашей или гэбэшной конторы. Только уж больно нагло работаете: даже не постеснялись своих пенсионеров в освободившиеся кресла посадить. И играете не по совести: рэкетирам не отваливаете, они ваши суммы на нас раскинули.

– Ты серьезно так считаешь?

– Куда уж серьезней, 1 – криво усмехнулся Орлов. – Да все по уму, начальник. На зарплате сейчас не протянешь, но у меня созданы надёжные тылы. По моему мнению...

Орлов ударился в рассуждения. Брошана этот треп не интересовал. Сделав вид, будто внимательно слушает, он предоставил собеседнику возможность выговориться. Впрочем, за долгие годы их сотрудничества Брошан досконально изучил повадки и манеры этого человека. Орлик мог часами

ходить кругом да около, но за здорово живёшь стоящей информации не выдавал. Вообще-то, так вело себя большинство из его агентуры, завербованной на компроматериалах: с охотой и отдачей эта публика работала лишь тогда, когда над головами зависал дамоклов меч. И ему приходилось постоянно держать таких негласных сотрудников на крючке, искусственно изобретая для них ловушки.

Что же касалось Орлова, тот, почуяв силу, которую дают большие деньги, стал избегать встреч под любым предлогом, пытался положить конец всякому сотрудничеству с милицией. Однако Брошан не мог позволить себе выпустить из рук агента, вхожего в среду воротил тёмного бизнеса: слишком многое там варилось и замышлялось.

– Твои размышления весьма содержательны, однако они уводят от темы разговора, – оборвал собеседника Брошан. – Не станешь же ты уверять, что приезжавший к тебе Бес, он же Бессонов Борис Аркадьевич, придерживается мнения, будто разорение фирм "Светлана", "Орбита" – дело рук милиции и комитетчиков?

Он попал в точку: Орлов сник, явно выгадывая время на обдумывание, налил себе водки, выпил. В два приема умял банан, потянулся за следующим.

Брошан бесцеремонно перехватил его руку, криво и язвительно ухмыляясь, заметил:

– Есть много на ночь вредно... Так к какому выводу вы пришли с Бесом по поводу разорившихся фирм? Тут пора-

ботали милиция или КГБ?

– К несколько иному, – растерянно пролепетал Орлов. Он не думал, что контора знает о визите Беса.

– Так что ж ты мне туфту гонишь? – зло бросил Брошан. Видя порыв собеседника что-то сказать в свое оправдание, повелительным жестом остановил его и продолжил: – И вообще, разлюбезный, мне твое поведение в последнее время перестает нравиться, чтобы не сказать большего. Я не тот человек, с которым можно играть в кошки-мышки. Стоит мне пошевелить пальцем, и от тебя не останется мокрого места.

Тот же Бес, узнав, как ты в свое время подставил его с золотишком, найдёт тебя под землёй.

– Но это же чистейшей воды шантаж...

– Не шантаж, а официальное предупреждение, – уточнил Брошан. – И запомни: мы с тобой расстанемся лишь тогда, когда я посчитаю это нужным. А то не совсем красиво получится. Я тебя отмазал от тюрьмы, не дал сгнить на нарах, опуститься на дно. Благодаря чему живешь припеваючи, крутишь миллиардами, имеешь имя...

– Ноя морально давно уже на дне, – рванул ворот рубахи Орлов. – Живу как последняя сука!

– Ты же сам этого захотел. У тебя был выбор. И ты его сделал... Что же касается совести... Видишь ли, в жизни за все приходится платить.

– Ноя не знал, что плата будет такой.

– Все ты прекрасно знал. И хватит ломать комедию. Мы

здесь одни, хорошо понимаем друг друга. Поэтому давай вернёмся к нашим баранам. Так к какому выводу пришел Бес?

– Ничего конкретного. Кто-то наехал. Но кто, ответа не нашли. Броцан искоса взглянул на Орлова. Тот был подавлен, но в тоне его была какая-то обреченная решимость. Это не могло не насторожить. Однако он не подал виду, продолжал расспрашивать:

– И с чем он уехал в Москву?

– У них есть служба безопасности, она и будет разбираться.

– Чем такие разборки кончаются – нам... Ну да ладно. Слушай, у меня возникла необходимость поближе познакомиться с воротилами нефтебизнеса. Разумеется, при твоём содействии.

– Все что угодно, только не это, – взмолился Орлов и с нескрываемым страхом, запинаясь, добавил: – Того, кто сует нос в нефтяные дела, не спасут никакие погоны и должности.

– Моя безопасность – твоя забота, – усмехнулся Броцан. – Ты себе и представить не можешь, что будет, если я уйду в мир иной не по Божьей воле и мои друзья предадут гласное™ кое-какие материалы. Повторится ночь длинных ножей.

– Вы же обещали хранить все... в тайне, – с трудом вспомнил нужное слово Орлов. – Не вынуждайте меня на крайность.

Теперь Брошану стало ясно, о чем думал его собеседник минуту назад. Но, похоже, удалось заставить его выбросить дурные мысли. Хотя, конечно, сработано топором. Однако, с учетом предшествующего разговора, кажется, может сойти.

– Мы с тобой дали в свое время друг другу какие-то обещания. И у тебя нет ни малейшего повода в чём-нибудь меня упрекнуть.

Рука Орлова потянулась к бутылке. Однако в последнее мгновение он передумал, поникшим голосом спросил:

– Но как вы думаете добраться до службы безопасности? О ней, судя по нашему разговору, даже Бес не все знает.

– Для начала, пожалуй, выйдем на босса, а там уж потянем ниточку и к его охранникам, – с дальним прицелом ответил Брошан. – Но об этом поговорим завтра: обдумать предстоит многое, а ты сегодня малость "подшофе" и от этого взвинчен... Встретимся здесь же рано утром.

* * *

Уставившись взглядом в полированную крышку стола, втянут в плечи голову, Бес монотонно рассказывал о проваленной сделке с оружием.

Напротив него сидел преклонных лет лысый мужчина с выпуклыми бесцветными глазами, орлиным носом и морщинистым лицом. Опершись белыми дряблыми руками с выпирающими синими венами на набалдашник зажатой между ног трости, он внимательно слушал. Так умеют слушать хорошие актёры.

Поодаль от него, расположился третий участник беседы: плотный, по-своему красивый, в дорогом твидовом пиджаке. Лет пятидесяти. Закинув ногу за ногу и перебирая пальцами янтарные четки, он со скучающим видом смотрел на заглядывающие в окна ветки сосны.

В небольшом уютном зале ресторана, стоящего в каком-нибудь десятке метров от трассы Москва – Минск, больше никого не было.

Многочисленная охрана – высокие, как на подбор, квадратные молодцы с бычьими шеями и ничего, кроме наглости, не выражающими глазами, – не обращая внимания на холод, бдительно стерегла покой боссов. Хозяин придорожного ресторана, повар и официант безропотно сидели в одной из шести иномарок.

Бес кончил рассказывать, не поднимая головы, плеснул в фужер сока, жадно выпил, чуть подрагивающими пальцами выкатил из лежащей перед ним пачки сигарету.

– Хреновые, Бес, дела, – заметно картавя, подвёл итог сидящий напротив. – Последние два месяца сплошные провалы. Я уже начинаю опасаться что-либо тебе поручать.

Бес еще ниже опустил голову, чувствуя, как тело покрывается испариной. Он знал, чего ждать, если Хромой – Борис Григорьевич Беленький – отстранит его от дел и вышвырнет со своей команды. Превозмогая охвативший страх и сдерживая дрожь в голосе, тихо заметил:

– Да, катит сплошной обвал. Хоть в петлю лезь...

Однако волновался он напрасно. Нынешним утром, выслушав отчет Длинного, специально ради этого привезённого из Ростова, Хромой по достоинству оценил готовность Беса взять все на себя, а главное то, что он в последний момент не забыл назвать адрес тайника с личными сбережениями.

– Ты, Красавчик, чего сидишь, как воды в рот набрав? Твоей вины в провале побольше, чем Беса, – резко произнес Хромой и тем же раздражённым голосом приказал: – Да сядь так, чтоб я тебя видел.

Мужчина сунул четки в карман, передвинул стул ближе к столу. Хромой продолжал:

– Вертолет, два армейских "Урала", боевики с автоматами – сила. Откуда они взялись? Кто такие? Как узнали о сделке?

– Я же вам, Борис Григорьевич, докладывал. Мы приняли...

– Прибор я дожил на твой доклад, – зло перебил Хромой. – Пять лимонов гавкнуло, а он – "докладывал". Я сыт до тошноты твоими словами. Лучше скажи, как потерянное вернуть?

Красавчик прокашлялся, крутнул головой, словно ворот рубашки стал ему тесен, однако, не теряя достоинства, ровным голосом посоветовал:

– Все же, Борис Григорьевич, послушайте.

Тогда, возможно, несколько иначе взглянете на наши неудачи, – и тут же поспешил добавить: – Хотя, конечно, вины моей выше головы.

Хромой скривился, как от зубной боли, но промолчал. И Красавчик принялся рассказывать о "Русичах", но уже после нескольких фраз по скучающим лицам слушателей понял, что их мало интересуют задачи и цели движения, поэтому поспешил перейти к главному:

– Деньги для них добывал бывший генерал КГБ Бурмистров, ныне покойный. – Последние слова Красавчик выделил, явно желая подчеркнуть свою причастность к недавней акции. – Он создал разветвленную, хорошо законспирированную организацию из числа людей, служивших в спецподразделениях, прошедших обкатку в Афганистане и в других горящих точках. Короче говоря, собрал вокруг себя профессионалов. Мне же приходится опираться на дебилов с квадратными плечами и крепкими мускулами, но без...

– Их пахан, если верить тебе, мёртв, но наезды-то не прекратились, – резко перебил говорящего Хромой. – И все, что ты здесь напел, – твои проблемы. Кто тебя заставлял набирать дебилов? Ищи профессионалов. У тебя никаких ограничений по расходам. Но дело свое делай. Пока же от тебя толку мало.

– Спорить не стану, в самом начале, действительно, допустил промашку. Видите ли, я считал, что основная опасность для нас будет исходить от милиции и органов безопасности. Что придется противостоять какой-то не государственной структуре, даже и подумать не мог. И с этой стороны тылы остались неприкрытыми.

Хромой был вообще-то, человеком справедливым – откровенное признание Красавчика подкупающе подействовало на него. Он видел, что тот не искал оправданий, дескать повинную голову меч не сечет, а без прикрас охарактеризовал положение дел. И так, худшие догадки подтвердились. у него, у Хромого, на пути, помимо ментов, гэбэшников и конкурентов, встала некая политическая организация. И как взялись, черт бы их побрал! Уплыла треть созданных на его деньги наиболее доходных фирм, провалена сделка с оружием. Такое не могло присниться и в дурном сне. И тут же мысленно Хромой себе признался; изрядная доля вины в провалах лежит и на нем. Живи он здесь, а не отирайся в своих особняках за границей, мог бы раньше учуять беду.

– Они только на нас наехали?

– Нет, крушат всех подряд.

– Может, после смерти генеральчика попритихнут? Красавчик отрицательно покачал головой:

– Скорее – наоборот. Нас ждут трудные времена. – Заметил намерение босса снова вмешаться и предугадывая его вопрос, продолжил: – Бурмистров, будучи человеком умным и опытным, создал – по принципу разведки – двойную систему. Суть ее такова: один работает, второй же, дублёр, в курсе всех дел, однако до поры, до времени лежит на дне, – подстраиваясь под жаргон собеседников, объяснял Красавчик. – И так сверху донизу. И еще: на его похоронах друзья поклялись найти убийцу. И это, поверьте, не пустые угрозы.

Они пойдут на все. Уверен, подключат лучших из милиции, службы безопасности. Вот какая сила на нас обрушится.

По старой зэковской традиции, после этих слов Хромому надлежало сделать непристойный жест и разразиться жаргонной тирадой в адрес легавых. Он по привычке и хотел было так поступить, но спохватился: рисоваться не имело смысла. Тог же Бес мог резонно сказать: "Тебе что до всего этого?"

Времена, когда ему приходилось жить по чужим документам, скрываться, давно для него канули в Лету. Машины и гостиницы сменены на уютные особняки, его охраняет и обслуживает больше людей, чем когда-то всех членов Политбюро вместе взятых. Продолжая тему, Хромой требовательно приказал: – Выкладывай все, что тебе известно.

Красавчик вопросительно перевел глаза на молчаливо сидящего Беса. Заметив его взгляд, Хромой успокоил:

– При нем можно.

– К сожалению, особо и рассказывать-то нечего, – признался Красавчик. – Дублера Бурмистрова я не знаю. Кое-какие соображения имеются, но требуется дополнительная проверка. Известен только непосредственный исполнитель всех акций по отношению к нам и к другим. Его я хотел убрать первым. Нанял лучшего киллера, так как не понаслышке знал, насколько этот человек опасен. Но произошла осечка: киллера жрут черви, а он цел и невредим.

– Киллер, шмиллер, – зло процедил Хромой, который уже

нутром учуял опасность ситуации. Послал бы тройку придурков со шмайсерами, они бы из него решето сделали. И одновременно обоих следовало убирать.

Красавчик с уважением посмотрел на босса, с ходу сделавшего вывод, к которому он сам пришёл только после устранения Бурмистрова. А Хромой уже брал быка за рога:

– Пошли надёжных людей и пусть сделают то, с чем не смог справиться киллер.

– Посылать никуда не надо. Он здесь, в Москве, – оповестил Красавчик.

– Приехал поохотиться. – Хромой задумчиво побарабанил пальцами по крыше стола, после паузы спросил: – Твои бывшие кореша не помогут?

– От них-то все и узнаю. Но кто он, из каковских – книга за семью печатями.

– Он что, и своим не верит?

Красавчик без труда уловил подвох в вопросе Хромого. Но виду не подал, только сокрушенно пожал плечами. Пришла очередь Беса вставить свое слово:

– Возможно, вы будете ржать, нотам, в лесу, я по глазам узнал их старшего. Приходилось с ним встречаться... Такой страшный взгляд не забывается.

Красавчик снисходительно взглянул на Беса. Он органически не переносил этого наглого и хамоватого человека, с давних пор ходившего у Хромого в подручных.

– И кто же тебе примерещился?

– Питерский мент. Он когда-то меня на наркоте подловил... Гадом буду – он в лесу всеми командовал.

Красавчик от удивления вытаращил глаза: – Поразительно, но это и есть то немногое, что о нем известно: он и впрямь раньше служил в Ленинградском уголовном розыске.

– По глазам узнал, а вот лицо хоть убей не помню.

– Вспоминай, – посоветовал Красавчик. – Не то вторая встреча может оказаться последней. Этот мужик не церемонится.

– Мне-то чего икру метать? – пожимая плечами, сказал Бес. – Ты ему нужен. Вот и чеши потылицу.

Хромой уже не слушал диалога между помощниками. Выгнув костлявую спину и положив подбородок на руки, он о чем-то сосредоточенно думал. Наконец, обращаясь к Красавчику, медленно, с расстановкой произнес:

– Думаю, дорожку к ним можно нащупать, если как следует раскрутить вояку, продавшего Бесу автоматы.

– Ничего не выйдет, – тут же разочаровал его Красавчик. – Как только Бес известил о провале, я в тот же день послал людей на военную базу. Но продавца и след простыл. Будто бы отозван в распоряжение генштаба. Одно знаю точно: при передаче склада у него все сошлось тютелька в тютельку.

– Теперь поняли, лохи, как вас обули? – хватил Хромой кулаком по столу, – Подсунули товар на время, забрали наши бабки и тут же оружие возвратили на склад... Лихо, ничего не скажешь!

Он нервно поиграл желваками, пренебрежительно окинул вжавших в плечи головы помощников, громко вздохнул и жестом указал Бесу на бутылку французского коньяка. Повернув голову в сторону Красавчика, приказал:

– В ближайшее время проверь на вшивость всех своих охранников. Перетряси людей на фирмах. При малейшем подозрении в сексотстве – гони в три шеи. Впредь ни одной сделки без твоей предварительной проверки! Учти, проморгаешь – ответишь головой.

Красавчик понимающе кивнул. Бес поднял рюмку:

– За твое, босс, возвращение.

– Достойную встречу вы мне подготовили, – язвительно отозвался Хромой. – Задержись я ещё на месяц – застал бы только рога да копыта... Но ничего, они заплатят мне сторицей за свои фокусы. Нашли, падлы, на кого наезжать. – Он одним глотком осушил рюмку, кинул в рот несколько виноградин и поинтересовался: – эти придурки на коммуняков пашут?

– Они сами по себе, – проглотив бутерброд с черной икрой, ответил Красавчик. – В митингах участия не принимают. Ни с какими партиями и движениями контактов не поддерживают. И особо своей деятельности не афишируют. Но свои люди у них есть во всех мало-мальски значимых организациях, партиях, движениях.

– Заполучить бы списки этих твоих "Русичей", – раздумчиво проговорил Хромой.

Красавчик нехотя оторвал взгляд от заливного судака, с завистью посмотрел на уминающего за обе щеки Беса, с досадой заметил:

– Прежде надо узнать – у кого они.

– Так узнай. Для этого я тебя и держу.

– Вы не так поняли, – бросился исправлять свою оплошность Красавчик, начисто забыв о притягательном судаке. – Подразделение Бурмистрова служило чисто практическим задачам – боевики, одним словом. По опыту знаю, участок ответственный и специфичный, отнимающий уйму времени. Будь покойный хоть семь пядей во лбу, за всем остальным ему было не уследить. Это значит, что Бурмистров был важной фигурой в движении, но далеко не основной. Судя по размаху, продуманности, заварил эту кашу кто-то посolidнее.

– Ты уж тут страху нагнал, – недоверчиво отмахнулся Хромой.

– Ладно, сам со всем разберусь.

Первым, сославшись на дела, ресторан покинул Красавчик. Хромой с Бесом приняли ещё по рюмке, после чего Хромой со старческой сентиментальностью и даже со слезами на глазах вспомнил о давнишних лагерных корешах, пожалел, что все они ушли в мир иной, так и не дотянув до нынешнего вольготного времени.

Полагая, что официальная часть встречи закончена и можно позволить себе расслабиться, Бес потянулся за новой

бутылкой. Однако босс жестом остановил его:

– По сырью договорился?

– Не только договорился, но и купил.

– Сколько взял? – оживился Хромой.

– Три вагона. Теперь гоняю со станции на станцию. Боюсь, как бы они в этом бардаке не затерялись.

Хромой достал ручку, принялся писать на салфетке столбики цифр. Закончив подсчеты, довольно потёр руки:

– Сделку можно повторить?

– Третьего дня заезжал на завод, обещали отпустить пару вагонов. Но не больше. К ним пришел приказ Госатомнадзора: никакой самодеятельности по части экспорта и импорта ядерных материалов,

– заученно выговорил Бес, непривычные для его лексикона слова. – Предлог придумать можно: мол, завод простаивает, зарплату платить нечем. Вот только возникает вопрос с банком.

– Не понял.

– В тот раз деньги и документы на получение труб из циркония, мне удалось перегнуть через банк в Грозном. А сейчас, после всех пертурбаций, могут побояться. Ведь на территории Чечни нет не только атомной станции, но даже и небольшого реактора.

– Если не договоримся с банкирами, отвезешь наличку прямо на завод. Разрешение я организую, – пообещал Хромой. – И учти, это золотая жила. Можем славно наварить.

Уйма предложений: Северная Корея, Иран, Южно-Африканская Республика...

– Будет наличка – товар найду, – заверил Бес.

– Смотри, дело доходное, но рискованное, – предостерег Хромой, вставая. – Представляешь, надеюсь, какие силы за этим стоят. И в случае срыва поставок, нам головы отделят от шеи... Завтра же занаряжу Красавчика, пусть все возьмет под контроль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.